

После обеда, который в глазах Цзян Цзыяо был простым перекусом, а в глазах Линь Цина — почти роскошью, Цзян Цзыяо зевнул.

После полудня стояла самая сильная жара: стоило пошевелиться — и сразу выступал пот. Дом семьи Цзян находился ближе к горам, поэтому время от времени от леса доносился прохладный ветер. В тени дерева было не особенно жарко и довольно приятно.

Линь Цин рядом по-прежнему вышивал платок. Теперь он уже знал о «искусстве» Цзян Цзыяо, но всё равно не хотел перекладывать на него всю тяжесть семейных забот.

Пусть сам он не был таким способным, как Цзян Цзыяо, но хотя бы немного помочь всё равно мог.

Цзян Цзыяо о его мыслях не знал и решил, что Линь Цин просто любит вышивать. В его воспоминаниях многие женщины и супруги-гэ-эры в деревне Дахэ с удовольствием занимались рукоделием.

От скуки Цзян Цзыяо подпер подбородок ладонями и стал смотреть, как Линь Цин вышивает.

Постепенно взгляд переместился с платка на ловкие руки.

Руки у Линь Цина были очень красивыми — тонкими, светлыми, что редко встречалось у крестьян, с аккуратными округлыми ногтями. Но множество мелких порезов и царапин совсем не подходили рукам 19-летнего юноши.

Днём Цзян Цзыяо держал эти руки и чувствовал их мягкость. Теперь же, разглядывая внимательно, видел, что они выглядят даже более натруженными, чем руки его нынешнего тела.

Ведь прежний Цзян Цзыяо в основном только читал и писал. Чтобы сын мог сосредоточиться на учёбе, мать почти не тревожила его домашними делами, кроме самого напряжённого времени в поле.

А Линь Цин... В эту эпоху мало какая крестьянская семья жила богато, и его семья тоже не была исключением.

Из памяти Цзян Цзыяо знал: из-за слабого здоровья Линь Цин почти не работал в поле, но уборка дома, кормление кур и уток, готовка и вышивка всегда лежали на нём.

Именно так сваха когда-то и рассказывала о нём госпоже Цзян.

При этой мысли сердце Цзян Цзыяо смягчилось. 19 лет — в современном мире человек в таком

возрасте максимум только поступает в университет. Родные ещё балуют, покупают желаемое, готовят любимую еду, жизнь полна радости. Что уж говорить о тяжёлой домашней работе.

Когда в будущем они поедут в посёлок или уездный город, нужно будет поискать что-нибудь вроде крема для рук или его местного аналога. Хорошо бы вернуть этим рукам мягкость!

И ещё... Цзян Цзыяо вспомнил бесконечное разнообразие современной косметики. В этом мире к гэ-эрам во многом относились как к женщинам. Сам он на это так не смотрел, но вдруг Линь Цину понравится уход за кожей?

Позже можно будет посмотреть, продаётся ли что-нибудь подобное. А вот красить брови и белить лицо, пожалуй, не нужно. По мнению Цзян Цзыяо, Линь Цин и сейчас выглядел очень хорошо.

В отличие от ценившихся в эту эпоху миниатюрных, хрупких и нежных гэ-эров, у Линь Цина был более крупный костяк, а характер и манеры — спокойные, мягкие. Он напоминал красивого мужчину со старинной картины.

Он не просто полностью соответствовал вкусу Цзян Цзыяо — а даже превосходил его ожидания.

Подумав о других гэ-эрах этого мира, Цзян Цзыяо невольно порадовался, что после перемещения его супругом оказался именно Линь Цин. Иначе он просто не представлял, как смог бы жить с мужчиной, который слаб, как ивовая ветвь, постоянно жеманничает и ломается.

Под взглядом Цзян Цзыяо Линь Цин тоже начал нервничать. С детства он был выше и крупнее других гэ-эров и часто слышал, что совсем на них не похож. Мнение посторонних Линь Цина не волновало, но Цзян Цзыяо...

— Ай...

Отвлёкшись, он уколол палец иглой и резко отдёрнул левый указательный палец.

— Что случилось?

Цзян Цзыяо перехватил его руку и увидел, как из прокола выступила кровь.

— Ничего. — Линь Цин выдернул руку. Когда он только начинал учиться, игла колола его бесчисленное количество раз, так что он давно привык.

Цзян Цзыяо посмотрел на платок. Рыбка уже была закончена и выглядела почти живой. Он

сразу потянул Линь Цина за рукав:

— Платок закончил. Пойдём, сначала немного поспим после обеда.

Линь Цин не стал спорить, собрал иглы и нитки и вместе с ним вошёл в дом.

Наверное, Цзян Цзыяо устал после столь раннего подъёма. Сам Линь Цин ещё не хотел спать, но прилечь днём и правда было приятно.

Проснувшись после сна, Линь Цин открыл глаза и увидел, что человек рядом по-прежнему спит. Он на цыпочках вышел наружу. В эти дни никто не знал, когда Цзян Цзыяо очнётся, поэтому накопилось много нестиранной одежды. Сейчас, во второй половине дня, жара уже немного спала — самое время сходить постирать.

В дровяном сарае Линь Цин нашёл немного мыльных бобов и деревянную колотушку, взял таз и пошёл к большой реке у въезда в деревню.

Когда Цзян Цзыяо проснулся, рядом уже давно никого не было. Он поднял голову, посмотрел на свет, падавший через окно, и лениво зевнул.

Этот дневной сон оказался гораздо приятнее прошлой ночи.

Одевшись и обувшись, он вышел и не увидел Линь Цина. Немного удивился, но беспокоиться не стал. По памяти, уже больше десяти лет в этих местах не появлялись разбойники или кто-то подобный — было очень безопасно.

На кухне Цзян Цзыяо увидел, что воды в большом чане почти не осталось. Он зачерпнул ковшом немного воды в таз и пошёл полить огород.

Во время полива он незаметно направил в землю силу дерева. Мгновенно огурцы и баклажаны, которым до зрелости оставалось ещё больше десяти дней, выросли в несколько раз.

То же случилось с перцами: на кончиках некоторых ещё висели белые цветы, но в один миг они позеленели, вытянулись, а часть даже покраснела. Затем Цзян Цзыяо ускорил созревание помидоров, стручковой фасоли и двух кустов картофеля. Картофелю оставалось расти ещё примерно полмесяца, а теперь у них появилось ещё одно блюдо к столу.

Закончив, Цзян Цзыяо с удовлетворением осмотрел результат. Его способность пока была слабой, поэтому он не стал заставлять созреть все овощи сразу, а обработал по одному-два растения каждого вида. Но и этого двоим хватит на несколько дней.

Смотря на огород, он всё же оставался немного недоволен. Хорошо бы иметь побольше семян

разных овощей и фруктов.

Но сейчас думать об этом бесполезно. Рано или поздно все нужные семена у него появятся.

Вода на кухне тем временем закончилась полностью. Цзян Цзыяо нашёл коромысло и собрался идти за водой.

У богатых семей в деревне были собственные колодцы, но у семьи Цзян такого не было. Поэтому воду для питья обычно брали из общих деревенских колодцев. Всего их было два: один на востоке деревни, другой на западе.

Дом Цзян стоял ближе к западному колодцу, до него было всего несколько минут. Когда Цзян Цзыяо пришёл, там как раз набирал воду мужчина из другой семьи Линь.

Их дома стояли недалеко друг от друга, один за другим, но близко семьи не общались. Точнее, в памяти прежнего «Цзян Цзыяо», который постоянно был занят учёбой, по-настоящему тесные отношения были только с семьями старшего и третьего дядей. С остальными максимум здоровались при встрече.

Но этот дядюшка Линь был немного особенным. Его старший сын был ровесником «Цзян Цзыяо», и в детстве они несколько лет вместе ездили учиться в посёлок. Тогда отношения были неплохими, но позже семье Линь стало не по карману продолжать учёбу сына, и со временем они отдалились. Всё же по сравнению с другими односельчанами оставались более знакомыми.

— Дядюшка Линь, за водой пришли? — первым поздоровался Цзян Цзыяо.

— Да, дома как раз вода закончилась, — с улыбкой ответил тот, увидев его.

— Сегодня слышал от твоей тётушки, что ты очнулся. Главное, что с тобой всё хорошо. С госпожой Цзян всё случилось слишком внезапно, но жизнь ведь всё равно идёт дальше. Тебе тоже нужно больше думать о будущем.

— Я понимаю, дядюшка Линь. — Цзян Цзыяо кивнул.

Увидев, что тот действительно принял слова к сердцу, дядюшка Линь немного успокоился. Он тоже наблюдал, как Цзян Цзыяо рос, а в детстве мальчик часто бывал у них дома. Никому не хотелось такой беды, но жить всё равно нужно дальше.

Вскоре дядюшка Линь набрал воду и ушёл. Цзян Цзыяо пришлось сходить туда и обратно три раза, прежде чем большой кухонный чан наполнился.

К тому времени на лбу уже выступил тонкий слой пота. Вспомнив, как во время апокалипсиса он мог целый день идти с рюкзаком за плечами, Цзян Цзыяо решил, что ему совершенно необходимо заняться физической формой.

Немного отдохнув, он пошёл в зерновую кладовую, отсыпал почти половину мешка необрушенного риса — примерно двадцать-тридцать цзиней — и взял ещё матерчатый мешок для готового риса. Затем направился к каменному жернову у въезда в деревню.

Рисовые зёрна нужно было очистить от шелухи, прежде чем их можно есть. По памяти, для этого все ходили к жернову у въезда в деревню. У семьи Цзян не было ни быка, ни осла, поэтому Цзян Цзыяо пришлось крутить всё самому.

Как раз когда он уже тяжело дышал от усталости, со стороны деревенской дороги медленно показалась телега, запряжённая быком.

— Третий малыш, когда успел очнуться?

Теперь Цзян Цзыяо уже мгновенно реагировал на это «детское имя». Услышав оклик, он поднял голову и посмотрел в ту сторону.

<http://bllate.org/book/23930/2743613>